

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

УП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН
(КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

1971

военного завода, возвышенный эмиром в воздаяние за "заслуги" в чин "биргид" (бригадный генерал) в регулярных войсках и
45) Мулла Минхадж ад-дин-хан, учитель шахзаде Мухаммад Кабир-хана, щедро награжденный эмиром.

1) Abdul Ghani, A Review of the Political Situation in Central Asia, Lahore, 1921, p.75.

2) Мир Гулям Мухаммад Губар известен советским читателям по русскому переводу его книги "Ахмад-шах основатель Афганского государства", опубликованному в Москве в 1959 г.

3) Му'ин ас-салтәне - титул 'Инайатуллы-хана, старшего сына эмира Хабибудлы-хана.

4) Видимо, это Музаффар-хан из Лахорского Колледжа "Исламийа", умерший в Афганистане в тюрьме от холеры. См. Abdul Ghani, A Review of the Political Situation in Central Asia, Lahore, 1921, p.75.

5) После освобождения в апреле 1919 г. из тюрьмы всех оставшихся в живых конституционалистов новым эмиром Амануллоу-ханом, Мухаммад Хусайн занимал пост директора лицея "Хабибийа".

О.И.Смирнова

РУНИЧЕСКИЕ МОНОГРАММЫ НА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ МОНЕТАХ^I

До сих пор не дано сколько-нибудь удовлетворительного объяснения происхождению особых знаков на согдийских и древнетюркских монетах, хотя эти знаки уже давно привлекают к себе внимание нумизматов. Имеющиеся на монетах сопроводительные к знакам надписи позволяют их считать родовыми клеймами или тамгами, до известной степени аналогичными русским княжеским знакам.

В настоящее время новые нумизматические материалы из раскопок В.А.Булатовой на Кувинском городище /южная Фергана/ дают возможность вновь поднять этот вопрос. Среди находок В.А.Булатовой оказалось два экземпляра неизвестного до сих пор типа монет с одинаковыми знаками и тождественными односторонними надписями согдийским полукурсивом (полевые шифры: Кува 63, № 14 и 68, № 5). Еще одна такая же монета оказалась среди монет с го-

родища Варахша Бухарского оазиса (собрание ИААН УзССР, инв. № 738). Все три монеты, отлитые, как и тургешские, по форме китайских, - небольшого размера (д 15, 16 и 17 мм), небрежной отливки (при почти ювелирной работе мастера-изготовителя образца) и к тому же плохой сохранности, что значительно затрудняло работу с ними.

Одинаковые знаки на монетах представлены двумя вариантами: на кувинских монетах и на бухарской. Надписи, сопровождающие знаки на этих монетах, состоят из трех слов, в чтении и интерпретации первого из которых нет уверенности: 'lрw ('lрw ?)γ'γ'n twtwγ т.е. "Алпу-хакан (или Хакан-тысячник) тутук" или "тутук Алпу-хакана (хакана-тысячника)". В первом случае монеты были выпущены хаканом, во втором - его тутуком, т.е. турками, а, следовательно, и знаки на них должны быть тамговыми знаками хакана или его тутука. В настоящее время можно считать установленным, что тамговый знак тургешей , помещаемый ими на своих монетах, воспроизводит вариант рунического (ät) орхонских надписей. Естественно встал вопрос, нельзя ли найти какую-либо параллель среди тех же рунических писем для знака на новооткрытых тюркских монетах из Ферганы и Бухарского оазиса. А.С.Амэнжалов обратил наше внимание на сходство первого варианта знака с руническим (äш) в издаваемой им надписи на гальке из собраний Минусинского музея. Второй же вариант того же знака - бухарский - оказался зафиксированным в рунической надписи на гальке из Таласса (ЭК, вып. I, 1963, стр. 23, X, стк. I и 2; о знаке см. также статью: О.Н.Тун , САУ , vol. XI, № 4, 1966, p. 241-263). Предложенное отождествление тем вероятнее, что бухарский вариант знака воспроизведен в свою очередь на монетах одной из засырдарьинских серий с изображением мужчины и женщины, явно-выраженного монголоидного типа, и полукурсивной согдийской надписью stwγβcs'(?) γ'ttwnh, содержащей тюркский женский титул хатун в согдийском передаче γ'ttwnh. Но на этих монетах указанный знак сочетается с другим в виде тупоугольного треугольника вершиной влево , в качестве параллели для которого А.С.Амэнжалов предложил руническое (й), обращенное влево в надписях на тувинских памятниках (енисейская группа). Тот же бухарский вариант знака отмечен нами на уникальной пока монете с изображением хищника из клада, найденного

близ станции Келес под Ташкентом. На данной монете он сочетается уже с другим, третьим, знаком, тождественным, на наш взгляд, с руническим $\left(\text{н}^{\text{I}}\right)$, обращенным влево и встречающимся в надписях той же группы памятников. Из сказанного очевидно, что указанные сочетания знаков на рассматриваемых тюрко-согдийских монетах образуют своеобразные рунические монограммы (типа известных тюркских тамг), одна из которых $\triangleleft \triangleright$ представляет (читая справа налево) сочетание рунических \triangleright и \triangleleft ($\text{ш} + \text{й}$), другая $\triangleright \left(\right) \triangleright$ - сочетание рунических $\left(\right)$ и \triangleright ($\text{н} + \text{ш}$).

В том что тюрки на своих монетах помещали отдельные рунические письмена сомнений быть не может. Так, среди монет торгошей имеется несколько экземпляров, на которых их основной тамговый знак дополняется справа руническим M (р^ь). Последний наносился на разных монетах и после их отливки (вырубался или процарапывался). К руническому M (р^ь), судя по монетам, в свою очередь восходят разные варианты тамгового знака на монетах домусульманских правителей Пайкенда, на которых он сочетается с наложенным на него руническим Y (ч) и снабжен такой же дополнительной подставкой, как знак Y на монетах пенджикентских царей: Y и Y (монеты не опубликованы). Таково же, по-видимому, происхождение таких знаков как u-образный родовой знак самаркандских ихшидов (царей), находящий себе близкие аналогии среди вариантов рунического Y и Y (с^{I}) (ЭК, вып. I, I, стк. 3 и X, стк. 3 и 5), и n-образный знак на бухарских монетах X , один из вариантов которого X едва ли не тождественен с известной рунической тамгой X . Не может быть также сомнений в том, что S-образный знак на одной из групп тюрко-согдийских монет (КМП, табл. XII, № 742) должен быть отождествлен с руническим S (э), обращенным вправо в орхоненгисейских надписях, а знаки на усрушанских монетах находят себе близкие параллели среди вариантов рунического C , известных по таласским памятникам и т.д. Некоторые из знаков на согдийских монетах (их стилистические варианты), как известно, помещались и позднее во второй половине VIII в.) на среднеазиатских монетах общекалифатского типа, в том числе знаки самаркандских ихшидов и бухарских князей. В свою очередь и Пайкандский тамговый знак продолжает воспроизводиться (в середине VIII в.) на монетах местных арабских данников, но уже в несколько измененном (осложненном) виде: на лицевой стороне M , при этом он сопровождается (на обороте) искаженным текстом символа мусульманской веры, опущенные слова которого

очередь, проследить пути расселения тюркских и других кочевых племен. Для этого необходимо, прежде всего, установить время появления соответствующих тамговых знаков на монетах и проследить хронологическую последовательность разных их вариантов, что потребует пересмотра большого материала, накопившегося за последнее время и его археолого-нумизматического исследования.

1) Доложено на заседании Туркологического кабинета 20.XI. 1970 г.

И.Ф.Фихман

РАБЫ В ВИЗАНТИЙСКОМ ОКСИРИНХЕ

Данная работа, представляющая собой опыт локального, хронологически отграниченного (конец III в. – середина V в.) исследования, ставит перед собой задачу рассмотреть на основе изучения оксиринхского папирологического материала только два, правда исключительно важных вопроса: численность рабов и их роль в производстве.

Решение этой задачи сопряжено с большими сложностями. Из-за многозначности терминов, обозначающих рабов, трудно безошибочно выделить тексты, упоминающие рабов. В ряде текстов говорится о рабах без указания их числа. При определении динамики численности рабов необходимо учитывать неравномерность распределения папирологического материала по векам (V век плохо представлен), изменение характера документации и т.д.

Собранный материал – были приняты во внимание только тексты, упоминающие определенных рабов, принадлежавших жителям города – показал, что рабов было очень мало (всего 52, в том числе 26 под сомнением) и что их число неуклонно сокращалось. На первый взгляд эта тенденция не выступает очень ярко, если исходить из подсчета всех упоминаний: 9 в конце III века, 10 в IV веке, 6 в V веке, 20 в VI веке и 7 в первой половине VII века. Картина резко меняется, если отбросить сомнительные данные: 8 в конце III века, 9 в IV веке, 1 в V веке, 7 в VI веке и 1 в первой половине VII века (скачок вверх в VI веке по сравнению с V веком объясняется разницей в числе дошедших до нас документов от соответствующих веков).